

Д. О. Чураков

1917 год:

РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
В ЭПОХУ СМУТ,
РЕФОРМ И РЕВОЛЮЦИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Димитрий Олегович Чураков

1917 год: русская государственность в эпоху смут, реформ и революций

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25717967

*1917 год: Русская государственность в эпоху смут, реформ и
революций: Прометей; М.; 2017
ISBN 978-5-906879-63-9*

Аннотация

В монографии, приуроченной к столетнему юбилею Революции 1917 года, автор исследует один из наиболее актуальных в наши дни вопросов – роль в отечественной истории российской государственности, его эволюцию в период революционных потрясений. В монографии поднят вопрос об ответственности правящих слоёв за эффективность и устойчивость основ государства. На широком фактическом материале показана гибель традиционной для России монархической государственности, эволюция власти и гражданских институтов в условиях либерального эксперимента и, наконец, восстановление крепкого национального государства в результате мощного движения народных масс, которое, как это уже было в нашей истории в XVII веке, в Октябре

1917 года позволило предотвратить гибель страны. Автор подробно разбирает становление мобилизационного режима, возникшего на волне октябрьских событий, показывая как просчёты, так и успехи большевиков в стремлении укрепить революционную власть. Увенчанием проделанного отечественной государственностью сложного пути от крушения к возрождению автор называет принятие советской Конституции 1918 года.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Введение	6
Уроки и значение 1917 года[1]	6
К современной концепции истории Российского государства	14
Очерк 1. На пути к осмыслению прошлого	14
Очерк 2. Революция 1917 г. и русская государственность	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Димитрий
Олегович Чураков
1917 год: Русская
государственность в эпоху
смут, реформ и революций**

© Д. О. Чураков, 2017

© Издательство «Прометей», 2017

Введение

Уроки и значение 1917 года¹

Многие круглые даты, и уж тем более столетие, привлекают внимание, вызывают интерес, – иногда, увы, кратковременные – к значимым событиям нашего коллективного прошлого. Публикации в СМИ, ток-шоу на телевидении, научные конференции и неспешные академические дискуссии...

Но прошлое подчас громко стучится в наши двери. Например, актуализация интереса к урокам и значению 1917 года в России произошла даже не сейчас, когда событиям, будто бы покрывшимся музейной пылью, исполняется 100 лет, а примерно... четыре года назад.

Тогда, в 2013-м, ещё до окончания «арабской весны», мир начала накрывать новая волна «оранжевых революций», всё ближе подступавшая к границам нашей страны. Целью этих организованных (не на пустом, конечно, месте) смут стала уже и не Украина или какая-то другая родственная России страна, а исключительно сама Россия. Наступивший год возвращает в центр нашего внимания тему Февральской и Ок-

¹ Материал подготовлен на основе публикации в «Литературной России» (См.: Литературная Россия. 2017. 18 янв.)

тябрьской революций не только потому, что они юбиляры, но ещё и потому, что 2017 год предшествует году новых выборов президента страны, а значит, с учётом всех обстоятельств, нам опять придётся решать, какими тропинками и дорогами дальше двигаться в своё завтра.

Мы – историки – до сих пор спорим, сколько же революций было сто лет назад: одна или всё же две? Представляется, что если бы события февраля и октября 1917 года разделяло не несколько месяцев, а несколько десятилетий или хотя бы лет, вопрос отпал бы сам собой. Оба события столь масштабны, что вполне дотягивают до уровня революций не местного, а всемирного значения, как и очень многое в нашей истории. Ведь Россия – великая держава, и революции у нас тоже могут быть только великие, переломные, судьбоносные. А тут два таких потрясения за год! Поневоле задумаешься. Но в действительности для нас сегодня значение имеет не то, кто и как назовёт происходившее в 1917-м – переворотами, мятежами, революциями, путчами, и не то, сколько их насчитают. Важнее другое: хорошо ли мы все учились в школе жизни и прочно ли усвоили уроки «второй русской смуты» (определение 1917 года, которое предложил лидер белого движения А. И. Деникин).

С выученными уроками дело обстоит, как мне кажется, далеко не блестяще. Мы справедливо гордимся нашей армией, уверены, что никакой внешний супостат не страшен. Но такие настроения в российском обществе были и в 1913 го-

ду. А вскоре оказалось, что большие войны, время которых настало в XX веке, выигрывают не на фронтах, а в тылу. Это урок революции даже не 1917, а 1905 года. Его мы выучили к 1941 году, а вот царское правительство его в своё время не учло. Перед Первой мировой войной внутри России оставалось множество нерешённых вопросов, в условиях военного молоха они только обострялись. Нет смысла перечислять все болезненные точки, но куда деться от аграрного, рабочего или национального вопросов? А разве не возникал антагонизм между состоятельными классами, в цивилизационном плане чётко ориентированными на западные образцы, и народом, который стоял на своих исконных, традиционных смыслах и ценностях? Свои проблемы имелись и внутри правящего слоя, расколотого на костную бюрократию, вороватую буржуазию, а также и у хронически хворающей оппозиционностью всему и вся интеллигенции...

Под грузом этих и множества других проблем рухнула привычная, понятная большинству русских людей самодержавная власть. Настало время непонятной, но зато напористой либеральной России. Стремление либералов к власти было осознанным и подкреплялось целенаправленными, в том числе заговорщическими, усилиями. Многие заставляют считать февраль 1917-го прообразом современных «оранжевых революций». Фундаментальным условием падения самодержавия стало предательство критически значимой части «элиты». Отколовшаяся часть верхушки всецело была

связана с Западом. Да, французский посол Морис Палеолог, английский посол Джордж Бьюкенен или американский посол Дэвид Фрэнсис не раздавали печенки на Невском проспекте, но они устраивали балы, приёмы, организовывали салоны для знати, вели работу с теми её представителями, кто разочаровался в своей стране... В руках оппозиции оказались средства массовой информации, которые дискредитировали любые усилия власти. Проводились различные протестные акции, создавались альтернативные центры силы в думах, земствах, предпринимательских и других организациях...

Но с развитием революции произошло то, что почему-то не было предусмотрено в привычных схемах «революционеров во фраках». Отстранив продуманным натиском царя, они остались один на один с русским народом и с теми проблемами, которые ослабили власть царя и сделали его свержение столь лёгким. Также, как и все современные государства, переболевшие оранжевыми переворотами, Россия в феврале 1917 года оказалась в руках людей, мало пригодных к решению задач государственного управления. Результаты были налицо: если перед февралём отечественная экономика стояла на краю катастрофы, то после прихода к власти новых людей показатели производства, финансового благополучия, снабжения продовольствием оказались в крутом пике. Инфляция и рост цен превысили все нормы приличия. В деревню потянулись мешочники и карательные

отряды – хлеб нужен был всем. От Временного правительства крестьяне получали лишь обещания. Не были решены ни рабочий, ни национальный вопросы. Никуда не делись и культурно-цивилизационные противоречия между праздновавшей «победу» верхушкой и нищающим, обманутым народом. Не смогла либеральная оппозиция решить даже главный для себя и вообще для всякой революции вопрос – вопрос о власти: Учредительное собрание постоянное откладывалось, переносилось, смысл в нём терялся.

Социальная напряжённость возрастала. К осени масштаб протестов превышал уровень периода свержения монархии. Массовые выступления низов ещё вчера охотно использовались либералами для шантажа слабевшего монарха. Теперь же, неожиданно для «победителей», отдельные вспышки народного гнева развернулись в действительно широкое движение. Оно постепенно начинало создавать собственные формы объединения, мало подконтрольные организационным усилиям либералов и правых социалистов. Наряду с респектабельным Временным правительством по всей России начинают действовать Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Россия из временно либеральной готовилась стать народной, советской. На смену оранжевой шла настоящая, красная революция. Это ещё один урок 1917 года – начавшись, революция не станет считаться с издержками и жертвами, она не завершится до тех пор, пока самые глубинные чаянья народа не будут удовлетворены. Поэтому легче

не доводить дело до катастрофы, чем потом пытаться ввести её в спасительные берега.

И всё же большевикам удастся именно это. Разрушительные, стихийные течения, вырвавшиеся в феврале 1917 года, они смогли перевести в конструктивное, созидательное русло. Началось решение вопросов, которые не решили ни царское, ни Временное правительство. Причём стартовые условия, в которых начинали большевики, были несоизмеримо хуже тех, что получили либеральные оппозиционеры в феврале. Экономика фактически уже умирала, хлеба в городах не было, страна распалась на пытавшиеся выжить в одиночку уделы, фронт развален, армия разбежалась, центральной власти никто не подчинялся. Подобно Петру I, большевики поставили Россию на дыбы, повернули на путь постепенного выхода из катастрофы. Красный Октябрь сказался, конечно, на судьбах всего мира. Но для нас, русских и представителей других жителей большой исторической России или, как теперь говорят, Русского мира, главное значение Октября именно в этом. Большевики, внешне, на публику выступавшие с крайне интернационалистскими лозунгами, на практике смогли понять и воплотить в жизнь наиболее глубинные национальные интересы. Это позволило им стать из партии революционеров и низвергателей партией прагматиков и созидателей.

Анализируя причины прихода большевиков к власти и их победы в Гражданской войне, крупный деятель эмигра-

ции, один из теоретиков сменовеховства профессор Н. В. Устрялов сформулировал её с предельной откровенностью. «Противобольшевистское движение, — признавал он, — ...слишком связало себя с иностранными элементами и потому окружило большевизм известным национальным ореолом, по существу чуждым его природе». Большевикам удалось убедить огромные массы людей, прежде всего крестьянства как носителя традиционного народного патриотизма, что именно они являются защитниками целостности и независимости России. «Живой и понятный лозунг, умело брошенный большевиками, имеющий конечной целью объединение России и сохранение её целостности, сам собой поднимает народ и заставляет его браться за оружие. А тот же призыв за «единую неделимую» в устах вождей антисоветского движения оставался в большинстве случаев немым для широких масс населения», — должен был признать, осмысливая причины неудачи белого движения, видный участник сначала антибольшевистского подполья, а затем главком вооружённых сил коалиционной Уфимской Директории генерал В. Г. Болдырев.

И это ещё один урок 1917 года — наш народ невозможно долго обманывать радужными и заманчивыми лозунгами. Нужны дела, нужны солидарность и сопричастность каждого. Только признав правоту народа, поддержав живущее в нём стремление к справедливости, можно не только уберечь страну от потрясений, но и сделать новые впечатляющие ша-

ги вперёд. Ведь именно на прочном фундаменте Красного Октября 1917 года стоят две другие главные Победы нашего народа в XX веке: Победа 1945 и космический прорыв 1961. Что мешает сдать на «отлично» экзамен по истории сегодня и столь же решительно начать движение в завтра, тем самым избежав исторических ловушек и потрясений?

* * *

Хотя со времени исторического выбора наших отцов и дедов, сделанного в 1917 году, прошло уже сто лет, его значение не остаётся определяющим для развития нашей истории, а дискуссии о его причинах, характере и результатах становятся всё жарче и принципиальней. Представляемая вниманию читателей книга объединяет исследования революционных событий 1917 года, которые автор ведёт уже более четверти века. В ней собраны материалы, посвящённые такому важному аспекту нашего коллективного прошлого, как эволюция форм отечественной государственности. В совокупности с прежними работами автора, в которых приоритетное внимание уделено развитию в период Великой русской революции общества и гражданских институтов, данная книга воссоздаёт облик сложной, переломной эпохи, горячее дыхание которой чувствуется и в наши дни.

К современной концепции истории Российского государства

Очерк 1. На пути к осмыслению прошлого

Новые подходы к прошлому

За не очень продолжительное время, прошедшее со времени кризиса СССР и его разрушения в отечественной исторической науке уже успело смениться несколько периодов её развития. Заявили о себе и ушли в тень отдельные авторы и целые школы. Но и сегодня обстановка в стане историков далека от полной ясности. Такое положение легко объяснимо. Ситуация в отечественной исторической науке определяется сменой парадигмы исторического мышления. Процесс этот не мог не стать болезненным и запутанным. Ведь означает он не только смену представлений о прошлом, но и самих критериев, на основе которых формируется представление о нём.

Произошедшие в исторической науке в последние деся-

тилетия изменения заслуживают самостоятельного научного анализа. В рамках одного небольшого исследования сделать это практически невозможно. Вместе с тем, приступая к рассмотрению российской государственности рубежа веков, необходимо хотя бы коротко остановиться на тех новых подходах, которыми обогатилась современная историография.

Чтобы оттенить значимость наиболее продуктивных исторических исследований постсоветского периода, вспомним, что было характерным для подходов к этим сюжетам в прошлом. В России историю государства к темам, обделённым вниманием, не отнесёшь. Вместе с тем, как и повсеместно, в России она обычно трактовалась как история государей. И в этом был свой резон, учитывая ту роль, которую личность может сыграть в истории. Вместе с тем при таком подходе многое ускользало от взгляда исследователя. В чём природа политической власти? Каковы механизмы её реализации? В чём кроются причины её неэффективности в тех или иных условиях? Какие факторы работают на её стабилизацию при обострении кризисных явлений? Все эти проблемы историки отдавали на откуп политологам, социологам и представителям прочих философских наук.

Возведение в абсолют государства было присуще не только дореволюционным историкам, но и советским. Не сразу ситуация меняется и в последнее время. Дело в том, что нахлынувшая на историческую науку волна конъюнктуры² на

² См. об этом подробнее напр.: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конь-

некоторое время привела к доминированию в нашей стране так называемой тоталитаристской школы. Научный поиск замедлился. Вместо этого идёт механическая замена в оценках прошлого плюсов на минусы, а минусов на плюсы. Более того, у тоталитаристов абсолютизация государства принимает невиданный прежде, чуть ли не мистический размах³. Такое положение не могло продолжаться вечно. Да и метод познания, присущий политическим наукам, оказался недостаточным. Науки эти традиционно имеют дело со статической картинкой, тогда как действительность – это живая система. Только анализ *динамики* общества может лежать в основе истории как науки.

Вместе с тем из социологии, статистики, политической географии, демографии и других наук в методологию самой истории пришло немало нового. Прежде всего – это системный взгляд на изучаемый предмет. В случае с государством

юнктура. М., 1992; Булдаков В. П. XX век российской истории и посткоммунистическая советология // Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? М., 1993; Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 1996.

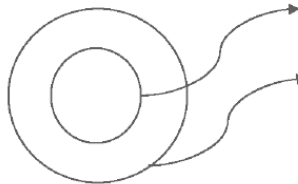
³ В этой связи интересно привести мнение венгерского историка Т. Крауса. Он пишет об устойчивой историографической традиции однофакторного объяснения истории «сверху». Последними представителями прежней тоталитаристской школы в СССР он называет академика И. И. Минца, в США – Р. Пайпса. При всём различии между советскими и советологическими историческими концепциями, общим между ними было изображение истории России XX в. как результат, условно говоря, целенаправленной деятельности большевиков. См.: Краус Т. Историография революции и новейший историографический переворот в России // Альтернативы. 1997. № 2. С. 51.

новизна эта проявилась в том, что оно теперь рассматривается не изолированно, а через призму породившего его общества. И действительно. Можно согласиться с американским историком Ларри Холмсом, что люди не живут в политическом вакууме. Но то же самое верно и для государства⁴. Невозможно представить *власть* саму по себе, существующую изолированно. В реальности это означает, что на импульсы, идущие сверху, отвечают импульсы, идущие снизу. Их различное сочетание в различные исторические эпохи и составляет каркас истории государства.

При взаимодействии власти и общества происходит коррекция как общества, так и самого государства. В то же время коммуникативная среда, связывающая их, неоднородна. Неоднородна и природа самих импульсов власти. *Можно, как минимум, выделить «внешние» и «внутренние» пружины её осуществления. Дело в том, что механизмы принятия управленческих решений властью, как правило, не совпадают с механизмами их передачи обществу. Общество может реагировать только на внешние проявления власти. Тогда как на практике не меньшее значение имеет и его структуры, скрытые от глаз.*

⁴ Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941. Ростов н/Д, 1994. С. 22

Власть:

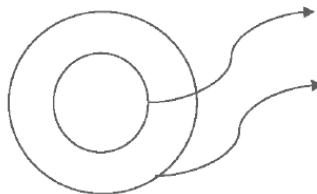

Внутренний компонент власти
(принятие решения)

Внешний компонент власти
(передача решения)

Всё это заставляет историков сразу отказаться от простых решений при осмыслении прошлого отечественного государства. Следует, очевидно, согласиться с мнением С. В. Цакунова, который в новейшей исторической науке одним из первых предложил отдать предпочтение плюралистическому подходу к этой проблеме. Он, в частности, начинает свой анализ с сопоставления публичной позиции политиков с реально принимаемыми властью решениями. Это позволило дистанцировать идеологический компонент власти от его практического наполнения.

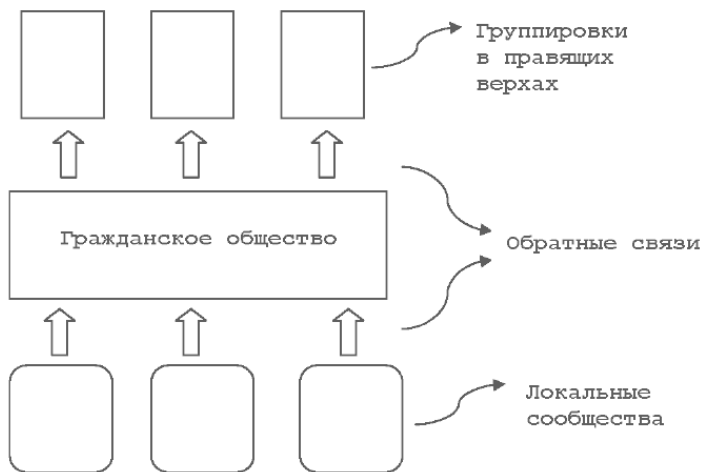
Властные решения

Практический компонент
(отражает действительную
цель и мотивы)

Идеологический компонент
(делает решение узнаваемым
и доступным)

Следующим шагом автор анализирует технологию принятия решений. Исходной точкой для этого ему служит расклад сил между группировками внутри правящей элиты. И, наконец, предметом изучения становится «результативность власти» или «обратная связь» элиты и социальных низов, которая может выражаться как в изменении риторики политических персон, так и в характере практических решений.

«Обратная связь» способна изменить и баланс сил в «верхах». Такой комбинированный подход позволил Цакунову предметно поставить вопрос эволюции доктринальных аспектов государства после революции⁵. Но предложенный им

⁵ Цакунов С. В. В лабиринтах доктрины. М., 1994. С. 3–23.

метод вполне приложим и к более раннему периоду. Он также может касаться и более широкого круга вопросов.

Изменился и сам масштаб взгляда на прошлое. Ещё вчера, например, применительно к 1917 г. говорили о *двух* революциях. В результате могло сложиться представление, что возникшее после октября государство никак не было связано ни с прежними режимами, ни со всем историческим наследием российской государственности. Теперь же революция 1917 года часто воспринимается как единый процесс. Это позволило говорить об общей эволюции российской государственности в тот период. Выходят исследования, которые ещё решительнее разрушают хронологические перегородки. В них вся эпоха между реформами XIX в. и революциями XX в. рассматривается как органичное целое⁶. Такой подход заслуживает внимания. Ведь весь этот период действительно был наполнен общим содержанием. Рубеж веков становится для России эпохой перехода от традиционного общества к современному гражданскому обществу. Естественно этот процесс должен был рано или поздно стать предметом исследования историков⁷.

Другим важным новшеством в изучении государства то-

⁶ См.: Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993; Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994; Власть и общество в России в первой трети XX в. М., 1994.

⁷ См. напр.: Реформы в России. М., 1993; Судьбы реформ и реформаторов в России. М., 1995; Государственное управление и самоуправление в России. Очерки истории. М., 1995; и др.

го времени стал взгляд на него через призму человеческого фактора. Такой подход прямо вытекает из понимания истории как результата человеческой деятельности. Поэтому игнорировать человеческий фактор современная наука уже не может⁸. Причём перед нами вовсе не возврат к прежней истории царей, полководцев и прочих выдающихся особ. Не возврат это и к тому положению, когда отдельные факты из жизни низов служили лишь иллюстрацией. Теперь историк берёт человека в качестве объекта исследования.

Можно даже говорить о своеобразной антропологизации истории. Но это не означает, что социальность исчезает. Наоборот, интерес к ней только усиливается. Не замыкаясь на вопросах быта, личных черт человека прежних эпох, исследователи идут к широким обобщениям. И эти обобщения уже не повисают в воздухе, а имеют прочную основу в массе взаимосвязанных факторов.

В последнее время всё большее значение приобретает и ещё один подход к изучению российского государства. Речь идёт о растущем интересе к становлению в России институтов самоуправления. Сегодняшний интерес к самоуправлению возник не на пустом месте. Проблемы его развития дебатировались ещё до революции⁹. В основном это касалось

⁸ См. Революция и человек. М., 1996; Революция и человек. М., 1997.

⁹ См. напр.: Авинов Н. Местное самоуправление. М., 1913; Безобразов В. П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. СПб., 1882; Васильников А. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 1–3. СПб., 1869–1871; Гра-

земств¹⁰. Но отдельные работы появлялись и о прочих формах общественной самоорганизации¹¹. И, конечно, большое количество исследований было посвящено русской общине¹². Однако в прошлом самоуправление рассматривалось, как правило, вне общего контекста государственного строительства. Вместе с тем взгляд на государство через призму

довский А. Д. История местного самоуправления в России. СПб., 1899; Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899; и др.

¹⁰ См. напр.: Белокопский И. Земское движение. СПб., 1914; Веселовский Б. История земства за 40 лет. Т. 1–4. СПб., 1909–1911; Маслов С. Земство и его экономическая деятельность за 50 лет существования, 1864–1914. М., 1914; и др.

¹¹ См. напр.: Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М – Л., 1928; Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1989; Балабанов М. История рабочей кооперации в России. М., 1925; Хейсин М. Л. Исторический очерк кооперации в России. Пг., 1919; Меркулов А. В. Исторический очерк потребительской кооперации. М., 1917; Калачёв Н. В. Артель в древней и нынешней России. СПб., 1864; Сборник материалов, касающихся артели в России. СПб., 1873–1875; Розенберг В. Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863–1918). Прага, 1924; и др.

¹² Традиция видеть в общине основу русской самобытности восходит ещё, как известно, к философским и социологическим работам А. С. Хомякова и других славянофилов, а также А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. После них проблематика, связанная с общиной, становится традиционной для народничества и некоторых других традиционалистских направлений мысли. См., напр.: Воронцов В. П. Крестьянская община. М., 1897; Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1908; Качоровский К. Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли её сохранение и развитие (опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1890; Посников А. Общинное землевладение. Ярославль. 1875. Выл. 1; Шарапов С. Ф. Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве. М., 1886; и др.

его местных институтов в плане понимания природы власти применительно ко времени перехода к гражданскому обществу особенно важен. Лишь по степени зрелости органов самоуправления можно судить о его глубине и необратимости.

Изучение самоуправления является одним из ключевых элементов так называемой локальной истории. Это как бы промежуточное звено между изучением истории на уровне общества в целом, с одной стороны, и отдельного человека – с другой. Вместе с тем локальная история – это не просто местная история. Разницу этих двух подходов легко почувствовать на примере одного очень узкого вопроса, а именно на примере рабочей самоорганизации в период революции. Интерес к ней возник уже в годы нэпа. Но лишь к середине 50-х гг. историки перестали ограничиваться изучением рабочих Петрограда и взглянули на рабочее движение в провинции. С этого времени появляются сборники документов, монографии, к примеру, по рабочему движению в Центральном промышленном регионе, Москве, других его городах¹³

¹³ См., напр.: Москва. Октябрь. Революция. Документы и воспоминания. М.: Московский рабочий. 1987; Октябрь в Замоскворечье. М., 1957; Октябрь в Москве. М., 1967; Октябрь в Твери: сборник документов. М., 1977; Октябрь в Туле: сборник документов и материалов. Тула. 1957; Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957; Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии: документы и материалы. М., 1958; Упрочение Советской власти в Тульской губернии: сборник документов и материалов. Год 1918. Тула, 1961; Установление Советской власти в Калужской губернии: документы и материалы. Март 1917 – июль 1918 гг. Калуга, 1957; Установление Советской власти в Костромской губернии: сборник документов. Март 1917 – сентябрь

и даже на отдельных фабриках и заводах¹⁴.

Но вовлечение нового материала не привело к пересмотру прежних концепций. Местные события служили лишь иллюстрацией «большой истории», но не источником её постижения. Если события в Москве или на Урале и становились предметом изучения, то их просто подгоняли под готовую схему. История локализма имеет другой угол зрения. Здесь события локальной истории – это то зеркало, в котором пытаются распознать отражения общих исторических законов. Изучение этих законов при слишком большом масштабе не давало увидеть их внутренние механизмы. Теперь же они могут быть отслежены во всей их полноте.

1918 гг. Кострома, 1957; Установление Советской власти в Ярославской губернии: сборник документов и материалов. Ярославль, 1957; Трукан Г. А. Октябрь в Центральной России. М., 1967; Николаев П. А. Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района в борьбе за победу Октябрьской революции (март – ноябрь 1917 г.). М., 1960; и др.

¹⁴ Примером может служить коллективное исследование, подготовленное кафедрой Новейшей отечественной истории МПГУ о московском заводе «Красный пролетарий» им. А. И. Ефремова (Флагман станкостроения. Страницы истории завода «Красный пролетарий» им. А. И. Ефремова. М., 1986). См. также: Симонян М. «Динамо» на пути к Октябрю. М., 1961; Завод на Лесной. Очерки истории Московского тормозного завода. М.: Советская Россия. 1971; Курахтанов В. Первая ситценабивная. М., 1960; Завод на Усачевке. История Московского Ордена Трудового Красного знамени завода «Каучук». М.: Московский рабочий, 1970; Истории Московского автозавода им. И. А. Лихачева. М.: Мысль, 1966; и др.

Природа российского государства и причины его кризиса на рубеже веков

Новации в подходах и методах исследования, которые, конечно, не ограничиваются только теми, о которых шла речь выше, позволили поставить ряд новых вопросов. Среди них вопросы о социально-психологических, аксиологических, институциональных и других сторонах эволюции государственности в России при переходе от аграрной цивилизации к индустриальному обществу. В конечном итоге эти вопросы могут быть сведены к вопросу о неизбежности обновления государства, последовавшего в результате революции. Иначе говоря, речь идёт о природе государства в России и причинах его нестабильности.

Природа российского государства, его национальная специфика и прежде не раз оказывались в центре внимания дискуссий с привлечением серьёзных научных авторитетов. До революции в нее так или иначе были вовлечены С. М. Соловьёв, К. Д. Кавелин, В. С. Ключевский, П. Б. Струве, П. Н. Милюков. Вопрос о природе российского государства чуть было не стал ещё одной линией разлома для молодой российской социал-демократии. Здесь в дискуссии так же участвовали внушительные силы¹⁵. Формально спор шёл о соот-

¹⁵ См. подробнее: Краус Т. Своеобразие русского исторического процесса: о дискуссии Л. Д. Троцкого и М. Н. Покровского // Историческая наука России и

ношении экономических, социальных и политических факторов в жизни государства.

В ходе дискуссии речь заходила об отличиях русского и европейского абсолютизма. Всплыла и проблема азиатского способа производства. Закрепись этот подход, и сторонники самобытности России получили бы ещё одни козырь, но уже из марксистской колоды. Главным, вокруг чего ломали копья, была проблема зрелости в стране буржуазных отношений и их влияния на государство. Сегодня вопрос о природе российского государства переходной эпохи ставится шире. И верно, переход России от аграрного общества не сводился к росту буржуазных элементов в обществе. Даже российская промышленность – экономический фундамент обновления – строилась не только как капиталистическая. В этом смысле вполне закономерно ставить вопрос об особом государственном индустриализме в России¹⁶. Тем самым то, что вчера служило лишь фоном, оттенявшим остроту основного вопроса о развитии капитализма в России, сегодня оказывается во главе угла научных поисков.

Прежде всего, историки отказываются решать вопросы, связанные с природой российского государства и его кризиса в устоявшемся терминологическом пространстве без напол-

XX веке. М., 1997. С. 200–216. Соколов В. Ю. История и политика. (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск, 1990.

¹⁶ Булдаков В. П. Имперство и российская революционность. Критические заметки // Отечественная история. 1997. № 1. С. 48.

нения его реальным содержанием. В. П. Булдаков, например, пишет применительно к России не просто о государстве, а об империи особого, реликтового типа. По его мнению, Российская империя не была тождественна ни империям древности, ни современности. Её отличали особые патерналистские отношения к власти. Они как бы воспроизводили отношения младших родственников к отцу в патриархальной семье. Россия сперва формировалась, а затем ощущала себя как самодостаточная. Криз в ней проявиться как “смерть – возрождение” империи. То есть речь идёт об очень глубоком кризисе. Вырвавшись наружу, он должен был потрясти весь каркас российского общества. Подтверждения этому налицо. О. Г. Малышева, например, посвятив свою работу специально проблемам модернизации государства на рубеже веков, пришла к важному в методологическом плане выводу. Она пишет о непрерывном, проходящем через весь период, начиная с реформ 60-х гг. XIX века и заканчивая революцией 1917 года, кризисе верхов¹⁷. Он то усиливался, то спадал, но полностью выйти из него не удавалось. Отмеченные О. Г. Малышевой явления можно считать внешними симптомами необратимого характера болезни, поразившей весь государственный механизм России. О неизбежности грядущих катаклизмов пишут и те авторы, кто анализировал ход реформы 1861 г. и личное влияние на неё Александра II. Главный их

¹⁷ См. Государственное управление и самоуправление в России. Очерки истории. М., 1995. С. 97–122.

вывод: там, где невозможны революции сверху, неизбежны революции снизу, идущие из глубин общественной жизни¹⁸.

Но если так, то и рост кризисных моментов имеет более широкую логику, чем считали прежде. Их назревание не могло быть одномоментным. Оно шло долго и мучительно. Булдаков обозначает несколько «уровней» кризиса. Среди них этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, доктринально-рекреационный¹⁹. Они не снимались властью, а наслаивались друг на друга. Понятно, что элементы нестабильности, отмечаемые историками прежней школы, имеют в той схеме лишь относительное, хотя, может быть, и решающее значение.

Приняв концепцию «многоуровневой» природы кризиса империи, можно убедиться, что большинство современных исследований дореволюционной России и революции 1917 года не противоречат ей. Так или иначе, они вписываются и в чём-то дополняют её, беря в качестве предмета исследования отдельные этапы или проявления кризиса. Это ничуть не умоляет их самостоятельной ценности. Наоборот, речь идёт о том, что на разном историческом материале историки при-

¹⁸ См., например, наиболее подробные исследования этих сюжетов: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; Ляшенко Л. М. Царь-освободитель. Жизнь и деятельность Александра II. М., 1994.

¹⁹ См.: Булдаков В. П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 1996. С. 183.

ходят к взаимодополняющим выводам. Правда, далеко не все компоненты происходивших тогда процессов уже изучены, но общее движение исторической мысли вполне определилось.

В основном в поле зрения историков оказался аспект кризиса, названный у Булдакова политическим. Большое количество работ посвящено также институциональным подвижкам, отразившим попытку власти дать ответ на модернизацию общества. Политический компонент кризиса Булдаков выводит из раскола элиты на бюрократию и оппозицию. Оппозиция нравственно и интеллектуально подавила бюрократию. Вслед за этим она встала на путь выработки альтернативных инструментов власти – партий и прочих общественных организаций. Укрепляло ли это или ослабляло государство? Во всяком случае, каждая из сторон стремилась к господству. Причём делалось это нередко без учёта общенациональных интересов.

Становление в России в начале века политических партий, как известно, изучалось давно. Но к середине 80-х годов, и это видно на примере последних обобщающих работ по этой теме, происходит консервация подходов к ней. Всё многообразие тогдашней политической палитры сводили к двум цветам. Шло чёткое деление на большевиков и все остальные партии. Между этими двумя лагерями если и могут быть какие-то отношения, то они сводятся к временно-му компромиссу, но чаще – к непримиримому противобор-

ству²⁰. В сегодняшних исследованиях такого жесткого разграничения нет. Наоборот, разговор ведётся о наиболее общих вопросах партийного строительства в те годы. Важнейшей становится тема многопартийности как одного из проявлений молодого гражданского общества²¹.

Постановка вопроса о многопартийности в России оказалась весьма продуктивной²². Через призму формирования гражданского общества рассматривается процесс адаптации элиты к новой политической среде. Прослеживаются попытки интеллигенции войти во власть. В центре внимания остаётся вопрос, удалось ли в результате этого преодолеть раскол элиты. Или наоборот, многопартийность действительно стала тараном, разрушившим имперскую государственность?²³ Здесь же уместно будет рассмотрение и так называемого ма-

²⁰ См., напр.: Непролетарские партии в России. Урок истории. М., 1984; Басманов М. И., Гусев К. В., Полушкина В. А. Сотрудничества и борьба. М., 1988; и др.

²¹ См., напр.: Шелохаев В. В. Феномен многопартийности в России // Крайности истории и крайности историков. М., 1997.

²² По существу, именно она легла в основу большинства важнейших публикаций по истории партий в России конца XIX – начала XX вв., будь то энциклопедические или документальные издания. См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996; Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995 и др.

²³ Думова Н. Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и февральской революции. М., 1988; Тютюкин С. В., Степанов С. А. Чёрная сотня в России (1905–1914 г.). М., 1992; Алексеева Г. Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989; Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994 и др.

сонского следа в русской истории. За последние годы вышло несколько оригинальных работ на этот предмет. Однако эта проблематика по-прежнему является предметом чуть ли не политических разногласий и пока не стала предметом спокойного академического разговора²⁴. В рамках вопроса о многопартийности может получить новую трактовку также история большевизма партии. И первые шаги к этому действительно были сделаны²⁵?

Вместе с тем стоит отметить, что сегодня пока рано говорить о единой трактовке многопартийности историками. До сих пор нет согласованного понимания ни её характера, ни её природы. Открытым остаётся даже проблема хронологических рамок её существовать в нашей стране. Одни историки относят конец многопартийности к весне 1918 года, когда левые эсеры покидают правительство. Другие – к лету,

²⁴ См., напр.: Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990; Платонов О. А. Терновый венец России. М., 1995 и др.

²⁵ См., напр.: Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного Отделения. М., 1990; Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты в русской революции. М., 1996. Нельзя не сказать и о том течении в большевизме, которое связано с именем А. А. Богданова. Воззрения Богданова на революцию и его деятельность были столь оригинальны, что некоторые зарубежные авторы выдвигают экстравагантные теории антиленинского большевизма, что, впрочем, не так уж и далеко от истины, если вспомнить дальнейшее развитие советской системы и, в частности, большевистской идеологии (См.: J. Biggart. Anti-Leninist Bolshevism. The Forward Group of RSDRP, Canadian Slavonic Papers. 1981, 23, 2. P. 134–153). Растёт интерес к Богданову и у нас в стране, свидетельством чему может служить выход сборника материалов: Неизвестный Богданов: в 3 кн. / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 1994–1995.

когда из Советов изгоняются сперва правые эсеры и меньшевики, а затем и левые эсеры. Наконец третьи полагают, что о ликвидации многопартийности можно говорить применительно к середине эпохи нэпа. Уже одно это говорит о том, какой разный смысл вкладывается в понятие многопартийности. Для одних – это участие в политической жизни нескольких партий. Для других решающим признаком её является участие нескольких партий в органах власти. По мнению В. И. Миллера, эта многоголосица стала следствием смешения двух понятий – «многопартийность» и «многопартийная (политическая) система». Для него многопартийность ещё не предполагает участия разных партий в управлении. Тогда как многопартийная политическая система, наоборот, немыслима без участия ряда партий в осуществлении политической власти, причём независимо от того, выступают ли они в правительственном блоке или составляют оппозицию. Более того, Миллер полагает, что оппозиция – это обязательный компонент многопартийности²⁶.

Оппозиции как важной составной части политического процесса в XX веке посвящено специальное исследование, которое так и называется «Власть и оппозиции». Предметом исследования в нём, как можно судить по названию, стали отношения в сфере осуществления государством своих властных полномочий. Речь идёт о том же, что и у Л. Холмса, т. е. о взаимодействии различных импульсов власти. По-

²⁶ Миллер В. И. Осторожно: история! М., 1997. С. 23–24.

смотреть под этим углом зрения на роль оппозиции крайне важно. Своей критикой власти оппозиция ставит себя как бы вне существующего режима. Но, по сути, она является его элементом. Причём важным, стабилизирующим систему элементом. Складываются механизмы ненасильственного решения спорных вопросов. Роль оппозиции в них – вовремя выявлять точки напряжения и замыкать их на себя. Выводы, полученные в монографии, заставляют задуматься и о том, может ли оппозиция восприниматься как нечто единое. Но вопрос может звучать и острее. Вопрос можно и заострить. Какую оппозицию следует считать системной и несистемной? Была ли таковая в России? Представляется, что несистемной может считаться лишь та оппозиция, которая придерживается идеалов, в корне отличных от тех, что исповедываются властью. В России же и власть, и все ветви оппозиции стояли на позициях этатизма. И власть, и её оппоненты готовы были абсолютизировать государство как элемент трансформации общества. Не отсюда ли та непримиримость и ожесточённость борьбы за власть, что так ярко проявились в те годы?²⁷

Изучение политических партий начала века в целом может восприниматься в рамках получивших в последнее время широкое хождение разнообразных теорий элит. В самом деле, каких бы партий мы ни касались, будь то рабочих, буржуазных, крестьянских, национальных или других, во всех

²⁷ Власть и оппозиция. М., 1995.

ядро составляла интеллигенция. Тем самым многопартийность – это своеобразный ответ элиты на процессы модернизации, а также на раскол в своей среде.

Как шли процессы приспособления к условиям гражданского общества социальных низов? Работ, посвящённых этому аспекту, существенно меньше. Хотя в целом, применительно к крестьянству, можно говорить, что адаптация давалась ему нелегко. Наряду с духовным освобождением модернизация несла крестьянству разрушение основ его жизненного уклада. Прежде всего, речь здесь идёт о патриархальных представлениях и коллективистских ценностях русского крестьянства.

Можно предположить, что похожим образом обстояло дело и у рабочего класса. Впрочем, городская урбанистическая среда была более доступна новшествам. Но она же была более беззащитна перед пагубными сторонами радикальной ломки национальных устоев. Не в этом ли одна из причин криминализации российского общества рубежа веков?²⁸ Сюда же можно отнести и вообще рост девиантного поведения в России. В частности, при изучении сексуальных аномалий авторы сходятся во мнении, что такое поведение могло быть следствием нереализованных естественных социальных воз-

²⁸ См.: Зориков П. В. Криминогенная обстановка как результат и фактор социальной мобильности в России в начале XX в. // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 5–11.

возможностей молодёжи²⁹.

Что касается более широких проблем рабочего класса в этот период, то среди по-настоящему новаторских работ здесь следует назвать монографию Т. В. Бойко. Посвящена она как раз проблеме адаптации рабочих к гражданскому обществу посредством приобщения к современной культуре. Интерес представляет также источниковая база работы. Она написана на материалах буржуазной и монархической печати тех лет³⁰. Это позволяет посмотреть на рабочий класс глазами так называемого «общественного мнения» тех лет. И этой авторской находки нельзя не оценить. Благодаря такому подходу, как в зеркале, видна физиономия самой интеллигенции. Узкая, крайне претенциозная среда, с пренебрежением относящаяся к народным устоям. Культура народа воспринимается ею как примитив. Развиваются лишь те её элементы, что могут быть вписаны в открытое общество.

²⁹ См. об этом: Булдаков В. П. Революция и человек (методологические заметки) // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 28.

³⁰ По проблематике печати на рубеже веков выходили в последние годы и специальные исследования, напр.: Алафаев А. А. Русский либерализм на рубеже 70–80-х гг. XIX в.: Из истории журнала «Вестник Европы». М., 1991; Общественно-политическая проблематика периодической печати России (XIX–XX вв.): сборник статей. М., 1989; Курукин И. В., Мохначёв М. П. Проблемы истории России в консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX в. (журнал «Русский вестник», 1856–1906). М., 1990; Махонина С. Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914). М., 1991; Волкова Т. И. Общественно-политическая жизнь России на рубеже XIX–XX столетий: (На материалах периодической печати): тексты лекций по спецкурсу. Ярославль, 1991; и др.

А сама просветительская деятельность «образованных сословий» подчас чем-то сродни устройству в Северной Америке резерваций и этнографических музеев для индейцев. Словом, монография Бойко может дать пищу для очень далеко идущих размышлений. В целом с исследовательницей можно согласиться в том, что печать сыграла и положительную роль, которая выразилась в том, что в отсутствие других форм выражения общественного мнения она была чуть ли не единственной трибуной, полем для диалога и противостояния самых разнообразных сил по самым разнообразным вопросам. Только вот что понимать под «общественным мнением» применительно к рубежу веков? Позицию образованных классов? Что-то другое, более широкое? Единого мнения пока нет...³¹

В будущем заслуживает внимания сам феномен приобщения масс к рационалистической культуре. По своей природе эта культура распадается на составляющие её элементы. В то же время традиционное мышление цельно, органично. Пере-

³¹ Бойко Т. В. Рабочие России и культура. Полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века. М., 1997. С. 7. См. также по другим аспектам вопроса: Рабочие и средства массовой информации на рубеже веков: Печать и рабочее движение в Центральном промышленном районе в период империализма: сборник научных трудов. Ярославль, 1988; Полозов А. В. Рабочий вопрос на страницах либеральной газет газеты «Северный край» // Буржуазия и Рабочие России во второй половине XIX – начале XX века: материалы конференции. Иваново, 8–10 июня 1993 г. Иваново, 1994; а также сборник публицистики тех лет: Возвращённая публицистика. Кн. 1. 1900–1917. М., 1991; и др.

ход от одного типа восприятия к другому ещё должным образом не описан даже психологией, не то что историей. И в то же время, применительно к русским рабочим, историки располагают некоторым материалом для анализа. Эти материалы дают возможность утверждать, что в культурно-просветительских обществах, возникших после 1905–1907 гг. сосредотачивались наиболее радикальные элементы. Они решительно отвергали либеральное просветительство филантропствующей интеллигенции. Но почему?

Этот феномен разобран в одной из работ А. С. Балакирева. Он, в частности, обратил внимание, что именно в этих кружках зародилась пролетарская поэзия с её космизмом и библейско-апокалиптической лексикой. Руководители подобных кружков из социалистов единодушно отмечали жгучий интерес их участников к глобальным проблемам – происхождению мира, жизни, человека, бессмертию души. Этот интерес существенно превышал, казалось бы, естественную склонность аудитории к социально-экономическим проблемам. И для того чтобы найти контакт с аудиторией, пропагандист, вопреки своим первоначальным планам, вынужден был этот интерес удовлетворять. Очевидно и космизм рабочей поэзии, и интерес рабочих активистов к мировоззренческим вопросам были преломлением цельной народной культуры. Тем самым тяга рабочих к рационалистическим установкам шла через совсем иной смысловой ряд, чем тот, что навязывался им элитой. Культурная работа верхов, тем са-

мым, могла вести к отупению масс, покорной их части, либо к ещё большему радикализму активного элемента. Сам же радикализм происходил из того, что условия нового времени разрушили прежнюю интегральную картину мира, и требовалось создать новую модель, восстанавливающую утерянное единство, но уже на новом уровне. По сути, у Балакирева речь идёт о конфликте двух типов социальных утопий, направленных в будущее. Одной придерживалась интеллигенция, совсем другой – рабочий класс³².

Близко к этой стоит и ещё одна проблема. Речь идёт о работе на рубеже веков части видных юристов правоведов над реформой трудового законодательства. Здесь перед нами опять образчик отношения интеллигенции, причём её передовой части, к народным устоям. Среди деятелей той эпохи, много сделавшим для облегчения положения рабочих, мож-

³² См.: Балакирев А. С. Русские коммунистические утопии и учение Н. Ф. Фёдорова // Россия. XXI. 1996. № 1–2. С. 121–123. Поскольку в наше время эта проблематика может получить долгожданное развитие, укажем хотя бы самую необходимую её библиографию: Персиц М. М. Атеизм русского рабочего. 1870–1905. М., 1964; Розенталь И. С. Культурно-просветительные организации и углубление классового самосознания российского пролетариата в период 1905–1914 гг. // Рабочий класс и рабочие России в период империализма: сборник трудов / МГЗ-ПИ. М., 1978. Вып. 55; Садофьев И. Что такое Пролеткульт // Мири человек. 1919. № 1; Кленборт В. М. Русский читатель-рабочий. Л., 1924; Кленборт В. М. Рабочий класс и культура. Т. 1–2. М., 1925; Левин И. Д. Рабочие клубы в Дореволюционном Петербурге. М., 1926; Лядов М. Н. Как зарождалась московская рабочая организация // На заре рабочего движения в Москве. М., 1932; Шестаков П. М. Рабочие на мануфактуре Т-ва «Эмиль Циндель» в Москве: статистическое исследование. М., 1900; и др.

но назвать И. Х. Озерова, Л. С. Таля, И. С. Войтинского³³ и других. Признавая их заслуги, нельзя не отметить, что образцом для написания своих работ они брали не народные институты демократии, а аналогичные учреждения запада. Когда возникла потребность поднять проблемы рабочего законодательства в печати, то В. П. Литвинов-Фалинский, видный государственный деятель, в прошлом преподаватель и фабричный инспектор также избрал опыт Германии³⁴. Вместе с тем в России были свои формы труда и отношения к нему³⁵. Можно ли было их игнорировать при выработке отечественной концепции трудового права?

Среди институционных изменений в центре внимания оказываются те из них, которые также связаны с ростом в стране элементов гражданского общества. Словом, история собственно органов власти рассматривается под углом зрения рождения в России парламентаризма и становлением представительных органов. Здесь заслуживает внимание и монография В. А. Дёмина. В ней все процессы трансформа-

³³ См.: Войтинский И. С. Стачка и рабочий договор по русскому праву. СПб., 1911; Озеров И. Х. Борьба общества и законодательства с дурными условиями труда. СПб., 1901; Озеров И. Х. Фабричные комитеты и коллективный договор. М., 1902; Таль Л. С. Тарифный (коллективный) договор как институт гражданского права. СПб., 1909; Таль Л. С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ярославль, 1917.

³⁴ См. об этом: Лушникова М. В. Вклад российской интеллигенции в разработку трудового законодательства в конце XIX – начале XX веков // Интеллигенция в России: традиции и новации. Иваново, 1997.

³⁵ Платонов О. А. Русский труд. М., 1991.

ции власти после революции 1905–1907 гг. рассмотрены в контексте развития русского парламентаризма. В монографии отстаивается важный вывод о том, что результатом подвижек в системе органов управления стал переход России к форме правления, которую с большим основанием можно назвать конституционной³⁶. На других позициях стоит О. И. Чистяков. Его взгляды можно назвать традиционными. Он согласен с теми историками, которые считают, что конституционный строй был декларирован, но его реального существования гарантировано не было³⁷. Созвучно этому и мнение Г. А. Герасименко. Он, в частности, полагает, что в целом система управления сохранялась в неизменном виде десятилетиями. К началу XX века она заостенела так, что реформированию практически не поддавалась. Её можно было смести только революционным путём³⁸.

После публичных выступлений А. И. Солженицына³⁹ резко обостряется интерес к земской тематике. Наиболее серьёзная разработка её содержится в ряде работ Г. А. Герасименко. В них автор приходит к нескольким важным выводам. Прежде всего, земство он воспринимает как специ-

³⁶ Дёмин В. А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.

³⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / под ред. О. И. Чистякова. М., 1994. С. 14.

³⁸ Герасименко Г. Народ и власть (1917). М., 1995. С. 29.

³⁹ См.: Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? М., 1991.

фически российскую форму самоуправления. Тем не менее земства не смогли в должной мере ответить требованиям эпохи. В конечном счете, это и стало причиной их кризиса⁴⁰. Очевидно, близкие выводы можно сделать и применительно к городскому самоуправлению. Речь о нём идёт ряде работ Н. А. Емельянова. Особый интерес из них имеет монография, в которой автор с позиций локальной истории даёт обзор самоуправления на примере Тульской губернии. Взгляд на самоуправление не из Петрограда, а из губернского центра позволил не только оживить исследование, но и увидеть многое из того, что прежде домисливалось чисто теоретически. Прежде всего, это касается технологий принятия решений на местах. В реальности он несколько отличался от норм, прописанных в законах. Всё это и привносило ту пестроту, которую в прошлом отмечали историки применительно к обустройству местной власти в России⁴¹.

В целом можно говорить, что процесс модернизации влиял на российское государство двояко. С одной стороны, оно уступало нажиму, идущему со стороны растущих элементов гражданского общества. Но в целом реакция на нововведения правящих кругов была отрицательной. Вывод этот не нов. Однако в новейшей историографии он был подтверждён даже на таком материале, который, казалось бы, не да-

⁴⁰ См.: Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990.

⁴¹ Емельянов Н. А. Местное самоуправление в дореволюционной России. Тула, 1997.

ёт ни малейшей пищи для подобного рода обобщений. В этом ключе интересно упомянуть монографию И. Можейко и Г. Мельника. В качестве предмета исследования они берут должностные знаки, существовавшие в царской России. Оценки их, в общем-то, традиционны, но тем не менее звучат несколько неожиданно.

Авторы, в частности, пишут о том, что должностные знаки в России возникали не по мере появления тех или иных должностей. Они – символы бюрократического государства и знаменуют собой определенный этап имперской эволюции. Потому не следует смешивать факт существования тех или иных дельных должностных знаков в России в прошлом с возникновением к концу XIX века всеобъемлющей системы знаков. Она является признаком достижения Россией пика эволюции как бюрократической империи. По мнению авторов, целью реформ 60–80-х гг. прошлого века, как и «всех российских перестроек», была надежда догнать европейский мир, но «своим путем». То есть созданием идеального бюрократического государства, в котором реформы – крестьянская, судебная и городская – должны не столько открыть дорогу к промышленному развитию, сколько создать стройную пирамиду власти.

Результат не замедлил сказаться. До реформы знаки принадлежности к системе власти положены были, как правило, лишь чиновникам и офицерам. Теперь же ими должны были быть охвачены практически все граждане империи, привле-

ченные для участия в ее функционировании, т. е. любой служивый отныне должен был выступать «при знаке». И главное – отныне знаками оказались благодетельствованы миллионы крестьян – вся верхушка деревни, от волостного старосты или сторожа. Город, быстро становящийся решающим фактором в пока еще крестьянской стране, также обзавелся сотнями тысяч «знаковладельцев». Все получающие жалованье от города или государства были обязаны *исправлять должность при знаке*. Ни одна страна мира такого не знала⁴².

В заключение обратим внимание ещё на одно оригинальное исследование. В нём речь идёт о психосоциальном портрете сословий императорской России. В то же время работа написана на стыке культурологии и цивилизационного подхода. Имеются в ней главы и о служилых сословиях. Хотя хронологические книги обозначены широко, речь в основном идёт о XIX веке. Затрагивается и начало модернизации. Психологический подход позволяет найти ещё один аспект в доказательство самобытности России. Быт и нравы русских сословий позволяют говорить о русской цивилизации как не тождественной ни Западу, ни Востоку⁴³.

⁴² Мельник Г., Можейко И. Должностные знаки Российской Империи. М., 1993.

⁴³ Поликарпов В. С. История нравов России от Алексея Тишайшего до Николая Второго. Восток или запад. М., 1995.

Очерк 2. Революция 1917 г. и русская государственность

Человеческое измерение революции

Похоже, в истории российской государственности именно период революции 1917 года привлекает наиболее пристальное внимание современных историков. Именно 1917 году посвящено большинство работ последних лет. Есть уже и обобщающие труды. Правда, в основном они охватывают эволюцию Советского режима⁴⁴, но есть среди них и расска-

⁴⁴ Часть этих работ стало как бы завершающим словом прежней историографии. См., напр.: Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. 1917–1918. М., 1987. Другие же, наоборот, явились «плодом прозрения» части «старых мастеров жанра». См.: Трукан Г. А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929. М., 1994; Гимпельсон Е. Г. Формирование советского государства. 1917–1923 гг. М., 1995. Выходят также книги молодых продолжателей «тоталитаристской школы». Однако общие сдвиги в исторической науке в сторону объективного и строго научного подхода к прошлому в рамках методологии историзма заставляют и их существенно корректировать свои позиции в сторону усиления в них исторических изысканий в противовес голословному идеологизированию. Представляется, что в рамках этого течения заслуживает рассмотрения монография С. В. Леонова, ставшая плодом его многолетних изысканий в области истории Советского государства. Несмотря на ряд пассажей о «тоталитаризме» большевистского государства и т. п., в ней содержится ряд важных выводов. Главное же, автору удалось широко и чётко сформулировать ряд вопросов, хаотически возникавших в дискуссиях последних лет. Он, в частности, совершенно верно пишет о том, что ис-

зывающие о развитии государства и политической системы от февраля к октябрю⁴⁵. События Русской революции освещаются и в большинстве публикуемых ныне источников⁴⁶. И

торики до сих пор не могут чётко ответить, было ли советское государство действительно качественно новым или оно стало продуктом некой эволюции прежней государственности? В чём новизна и преемственность, если они есть? Играла ли какую ту роль в формировании режима идеология? Как и почему эволюционизировало, прежде всего в сторону ужесточения, само большевистское государство? И действительно, работа Леонова в чём-то помогает приблизиться к ответам на эти вопросы, хотя и порождает немалое количество не менее острых новых вопросов. См.: Леонов С. В. Рождение Советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М., 1997. С. 6–7. Наконец, вышли и работы, которые напрямую ставят вопрос соотношения новых государственных механизмов с обществом, конкретными людьми с их политическими, ценностными или даже чисто бытовыми интересами. См.: Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. М., 1997; и др.

⁴⁵ См.: Герасименко Г. Народ и власть (1917). М., 1995; Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; и др.

⁴⁶ Среди фундаментальных изданий здесь следует прежде всего назвать: Архив Русской революции. Т. 1–22. М., 1991–1993; Меньшевики в 1917 г. Т. 1–3. М., 1994–1997; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: документы и материалы. Л., 1991. Сюда же относится большое количество мемуаров и прочих работ, принадлежащих деятелям той эпохи, в том числе видным государственным и военным деятелям, в которых с разных позиций рассматривается процесс эволюции русского государства и общества в период революции и послереволюционного умиротворения. К наиболее важным среди них следует отнести: Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: мемуары. М., 1993; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 1991; Берберова Н. Люди и ложи. Русские массоны XX столетия. Харьков, 1997; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1–3. М., 1991–1992; Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994;

всё же вопросов по этому периоду истории российского государства всё ещё существенно больше, чем ответов.

В первую очередь потребуется разобраться в очень широкой и многофакторной проблеме восприятия революционного государства массами. Намётки её решения можно найти даже в историографии прежних лет. Наиболее известный пример – отношение к династии. Раньше о нём говорилось в отрицательном ключе через призму влияния на образ монархии поразившей её распутинщины. Теперь к этому добавился болезненно преувеличенный интерес к расстрелу Романовых и восприятию этого акта народом. Ограниченность существующих к этой проблематике подходов очевидна. По сути, распутинщина и расстрел венценосного семейства подаётся глазами верхних слоёв общества⁴⁷. Да, именно они за-

Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: в 3 т. М., 1992–1994; Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990; Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1922 гг.: в 2 кн. Кн. 1. М., 1993; Милоков П. Н. Воспоминания. М., 1991; Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993; Церетели И. Г. Кризис власти. М., 1992. Здесь же следует указать такие документальные издания, как: Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев. М., 1990; Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства. Декабрь 1917 г. – 1918 г. М., 1991; Февральская революция 1917 года: сборник документов и материалов. М., 1996; Учредительное собрание. Россия, 1918. М., 1991; Белый Север. Вып. 1–2. Архангельск, 1993; Красная книга ВЧК: в 2 т. М., 1989; ВЧК – ГПУ: документы и материалы. М., 1995; и др.

⁴⁷ См.: Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989; Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. М., 1992. Надо добавить, что судьба Романовых в последние годы вообще активно поднимается и в научных работах, и в общественном сознании. Анализ этого феномена современного исторического мыш-

являли о своей позиции наиболее громогласно. Но как относились к самодержавию в последние годы его существования социальные низы? Этот вопрос никогда серьёзно не анализировался. К примеру, знали ли хотя бы о самом существовании Распутина крестьяне какой-нибудь деревушки вблизи Тулы, Полтавы или Ижевска? А слышали ли потом о казни бывшего самодержца? Никто не решится дать однозначный ответ на этот вопрос.

Да и можно ли вообще отождествлять позицию интеллигенции с позицией народа? Это также требует своего анализа. Здесь уместно сослаться на мнение видного представителя московской исторической школы и общественного деятеля рубежа веков П. Г. Виноградова. По его словам, народ и небольшая кучка его образованных лидеров «противопоставлены друг другу как две враждующие армии». Историк придавал этому чёткое социокультурное значение. «Они говорят на одном и том же языке, но придают различный смысл словам, – подчёркивал Виноградов, – и потому лишены средств общения»⁴⁸. Впрочем, тот же подход виден и в замечании Ленина о существовании «двух культур» – тер-

ления см.: Полунов А. Ю. Романовы: между историей и идеологией // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова М., 1996.

⁴⁸ См. об этом: Антощенко А. В. П. Г. Виноградов о взаимоотношениях бюрократии, интеллигенции и народа в России второй половины XIX – начала XX вв. // Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики. Иваново, 1996.

мин почти по Виноградову! Однако эти важные выводы были больше плодом интуиции и не опирались на серьёзные статистические и социологические выкладки.

Ещё более запущенной ситуация выглядит применительно к психосоциальному портрету Февраля и Октября. Первые работы по этим сюжетам только лишь появились⁴⁹. Хотя в них содержится немало нового, закрыть возникшую на этом направлении в историческом знании брешь они пока не смогли. Во-первых, с чего начинать анализ? К примеру, В. П. Булдаков полагает, что, прежде всего, в этой связи возникает вопрос: действовали ли в год революции универсальные законы массовой психологии или преобладала российская специфика?⁵⁰

Но можно ли одно противопоставлять другому? Не вернее ли допустить, что речь идёт о разных уровнях одного и того же феномена? Во всяком случае, не наполнив так называемый «универсальный» механизм поведения «человека толпы» конкретно-историческим содержанием, мы получим новую абстракцию. И она грозит стать ещё опасней всех преж-

⁴⁹ См., напр.: Канищев В. В., Мещеряков Ю. В. Анатомия одного мятежа. Тамбовское восстание 17–19 июня 1918 г. Тамбов, 1995; Колоницкий Б. И. Демократия как идентификация: К изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Миллер В. И. Массовое сознание революционной эпохи и психология гражданской войны // Осторожно: история! М., 1997; и др.

⁵⁰ Булдаков В. П. Революция и человек (методологические заметки) // Крайности истории и крайности историков. М., 1997.

них. Представляется, что прежде чем решать, националь-
ной ли спецификой или чем-то ещё определялась социаль-
ная психология того времени, нужно ответить на три фунда-
ментальных вопроса. Во-первых, что означало для русского
человека крушение такой привычной для него формы вла-
сти, как монархия? Во-вторых, почему столь большие массы
пошли за социалистическим идеалом, с которым они прежде
даже не были знакомы? И, наконец, почему те же массы, что
на протяжении месяцев крушили и упраздняли всяческие
элементы подчинения, так легко приняли новую диктатуру?

Вопросы эти ещё ждут ответа. Но если он так и не бу-
дет найден, удивляться не стоит. Российское общество было
слишком неоднородным, чтобы реакция на столь глобальные
катаклизмы, каковым была революция 1917 года, у всех бы-
ла совершенно однообразной. Уже имеющиеся на этот счёт
исследования показали, например, что свержение монархии
отнюдь не было таким праздником для всех, как это приня-
то было считать раньше. Да, Великие князья и бывшие по-
лицейские нацепляли на себя красные банты. Но это была их
попытка мимикрировать под толпу. Но высшие слои вновь
«не так» поняли свой народ. И красный бант на груди Вели-
ких князей стал символом предательства, а не революцион-
ного очищения.

Не случайно многие письма, приходившие в Петроград-
ский Совет, были проникнуты стихийным монархизмом.
Причём монархизм этот был в письмах лишь тоской по

прежней законности и порядку. Но на этом основании нет смысла делать далеко идущие реставраторские выводы. Вероятно, против монархии было большинство народа. Почему именно так? И все же, каковы пропорции в соотношении тех, кто был за и против? Убедительных исследований по этим вопросам всё ещё нет. В этом смысле следует согласиться с методологически важным мнением безымянного автора одного из писем 1917 года. Он предупреждал вождей революции, что прежняя власть держалась не только на штыках, она поддерживалась вековыми традициями всей русской истории, у революционного государства такого запаса прочности не было⁵¹.

Однако предварительные выводы о психосоциальном восприятии потрясённым революцией российским обществом государства можно будет лишь после того, как будет накоплен достаточный материал по социальному поведению в год революции разных социальных слоёв и классов. Определённые успехи, правда, уже есть.

Так, вполне естественный интерес для страны, в которой аграрное население преобладало, историки проявили к психосоциальной стороне отношений к революционной власти со стороны крестьян⁵². К примеру, широкий спектр связан-

⁵¹ Соболев Г. Письма из 1917 года // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991. С. 227; Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.

⁵² См.: Курёнышев А. А. Крестьянство и его организации в первой трети XX

ных с этим сюжетов поднят в коллективной монографии П. С. Кабытова, В. А. Козлова, Б. Г. Литвака⁵³. Увы, в новаторской в целом работе есть просто удивительные пассажи. В частности, социалистический идеал крестьянства почему-то рассматривается в связи с отношением мужика к сельскохозяйственным коммунам. Куда интересней беглый взгляд авторов на соотношение социалистического и коммунистического идеалов у первых коммунаров. Но эта перспективная тема лишь обозначена.

Немалый интерес может представлять ещё одна коллективная работа – «Крестьянство России в период трёх революций». Её авторы – В. Г. Тюкавкин и Э. М. Шагин – дают срез судеб крестьянства применительно ко всей эпохи революций с 1905 по 1918. В целом она посвящена более широким вопросам. Но есть в ней наблюдения и психосоциального плана. Так, очень интересен с событийной и методологической точки зрения, предпринятый в ней анализ отношения крестьян к Декрету о земле. Вероятно, здесь понадобятся ещё уточнения, например, статистического плана. Но имеющиеся в настоящее время в распоряжении историков источники позволяют говорить, что крестьяне считали его, чуть ли не «святым декретом»⁵⁴.

века. М., 2000; Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001.

⁵³ См. уже названную выше работу: Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.

⁵⁴ Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России в период трёх революций.

Стоит упомянуть работу о крестьянском движении на Тамбовщине. Она очень во многом соответствует канонам локальной истории, о которых речь шла выше. Хотя основные события, исследованные в ней, разворачиваются несколько позже интересующего нас времени, в книге содержится солидная предыстория антоновщины. В исследовании не без успеха делается попытка выявить реакции крестьян на те или иные шаги власти. В частности, как относились крестьяне к армии? Вопрос этот имеет прямой выход на формирование новой советской государственности, поскольку армия – далеко не последний компонент власти. Особенно в России, и особенно в период войны⁵⁵.

Важным вопросам, в том числе влиянию психологии, её протестного потенциала крестьянства на складывание стройной пирамиды Крестьянских Советов рассматривает в своём труде В. М. Лавров. Своим объектом исследования он избрал Всероссийские крестьянские съезды советов, что придаёт ему большое научное значение, поскольку прежде столь глубоких работ по этой проблематике просто не существовало⁵⁶

М., 1987. С. 189.

⁵⁵ Фатуева Н. В. Противостояние: кризис власти – трагедия народа. Рязань, 1996.

⁵⁶ Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М., 1996.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.